

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. Г. ЛЕВИН

ПРОБЛЕМА ПИГМЕЕВ В АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

В трудах последнего Международного конгресса антропологии и этнографии (Копенгаген, 1938 г.)¹ приведены новые данные по палеоантропологии Африки. Автор доклада доктор Бауэрмейстер² сообщил о костных остатках человека, обнаруженных экспедицией Кол-Ларенса в районе озера Ньярасса. Эти находки относятся к периоду от палеолита до современности.

Общие выводы доклада Бауэрмейстера сводятся к следующему: находки обнаруживают уже в палеолите выраженные черты негрского типа; палеолитические находки этого района имеют большое сходство с находками из Гемблс-Кейф, Фишук и Матнес-Ривер, тогда как находки из Эльментейта отстоят от них дальше. Пигмейские формы выступают лишь значительно позднее — в неолите.

Данные эти, весьма существенные для понимания процессов расогенеза на африканском материке, имеют и более общий интерес, в частности для так называемой пигмейской проблемы.

Пигмейская проблема занимает, как известно, совершенно особое место в построениях венской этнологической школы, руководимой Вильгельмом Шмидтом — одним из крупнейших современных западноевропейских этнологов, и в течение почти трех десятилетий составляет основную тематику работ этой школы.

Основоположником пигмейской проблемы является базельский анатом Кольманн, выступивший в восьмидесятых — девяностых годах прошлого столетия с собственной теорией происхождения человека. Центральным пунктом этой теории является взгляд, по которому *Homo sapiens* имеет своими предками малые формы. Предками современных человеческих рас являются низкорослые расы — пигмеи. Место пигмеев, по Кольманну, между *Protanthropus* и современным человеком. Из исходной формы выделились три основных пигмейских типа: шерстистоволосый, волнистоволосый и прямоволосый³, которые дали начало

¹ Congrès International des sciences anthropologiques et ethnologiques. Compte rendu de la deuxième session. Copenhagen, 1938.

² W. Bauermeister. Neue paläolithische Funde aus dem ehem. Deutsch Ost-Afrika.

³ В другом месте Кольманн говорил о трех исходных пигмейских формах: черной, желтой и белой.

современным человеческим расам. Остатками древнего пигмейского типа являются современные низкорослые расы — пигмеи. Homo primitivus представляет (по Кольманну) лишь боковую ветвь в этом процессе формирования Homo sapiens. «Пигмеи» у Кольманна — понятие весьма широкое; он рассматривает пигмеев как панэйкуменный тип, находит пигмейские формы в неолитических стоянках Европы (Швайцербильт, Кесслерлох), в древнем Египте (поля могил Abydos), в Америке, в Африке. В качестве доказательства существования пигмейских форм в дилувии Кольманн приводит находки скелетов в Baoussé-Roussé, в Ментоне.

Из современных человеческих рас Кольманн относит к древнему пигмейскому слою помимо африканских негриллей и азиатских негритосов также бушменов и все низкорослые волнистоволосые группы, известные под названием индонезийского расового типа — веддоидного слоя (ведды, сенои, тоала, кубу и др.).

В доказательство своих положений Кольманн приводит следующие соображения: 1) наблюдаемое в животном мире развитие крупных форм из более мелких, которому Кольманн придает значение всеобщего закона и распространяет и на семейство Homiuidae; 2) отсутствие на черепе зародыша и ребенка человека черт антропоморфных обезьян, что Кольманн рассматривает, основываясь на законе Геккеля Мюллера, как свидетельство того, что человек в своей филогении не проходил симиально-антропоморфной стадии; 3) инфантильные черты в антропологическом типе современных пигмеев (слабый рельеф черепа, прямой лоб, брахикефалия, слабое развитие подбородка, строение мягких частей лица и пропорции тела), что служит для Кольмана доказательством древности этого типа⁴.

Теория Кольманна не встретила признания в среде антропологов; с ее критикой выступил целый ряд ученых, как то: Швальбе, Е. Шмидт, Мартин, Лушан, Руджери и др.⁵ Однако пигмейской проблеме, возникшей как одна из теорий происхождения человека, суждено было сыграть совершенно особую роль в другой области. Идеи Кольманна были подхвачены и перенесены в этнологию корифеем культурно-исторической школы — Вильгельмом Шмидтом.

Еще в 1911 г. Шмидт выступил с объемистым трудом, специально посвященным пигмейской проблеме⁶. Шмидт полностью разделяет взгляд Кольманна на пигмеев как на предков человека и считает современных пигмеев остатками этого древнего типа. Основной антропологический аргумент вслед за Кольманном Шмидт видит в инфантильных чертах пигмейского расового типа, к которым он относит малый рост, брахикефалию, шерстистые волосы, прямой лоб, слабый рельеф черепа, низкое переносье, слабое развитие подбородка, высокие и круглые глазницы, выступание скул, прогнатизм (?), тонкие губы, пропорции тела (короткие конечности и длинное туловище).

⁴ J. Kollmann. Neue Gedanken über das alte Problem von der Abstammung des Menschen. Korresp.-Blatt d. Deutschen Anthropol. Gesellschaft, XXXVI, 1905, S. 9—20; ср. «Globus», 87, 1905, S. 141—148; J. Kollmann. Das Schweizerbild bei Schaffhausen und Pygmäen in Europa. Zeitschr. f. Ethnologie, XXVI, 1894, S. 189—251; его же. Pygmäen in Europa. Verhandl. d. Anatom. Gesellschaft, Mai, 1894.

⁵ G. Schwalbe. Die Vorgeschichte des Menschen. Braunschweig, 1904; его же. Zur Frage der Abstammung des Menschen. «Globus», 87, 1905, S. 159—161; E. Schmidt. Die Grösse der Zwerge und der sogenannten Zwergvölker. Ibid, S. 121—125; его же. Prähistorische Pygmäen. Ibid, S. 309—312, 325—329. F. Luschan. Les Pygmées. Rapports entre les différentes races. Congrès colonial allemand. «Globus», 28, 1902, p. 281; V. Giuffrida-Ruggieri. La questione dei Pigmei e le variazioni morfologiche dei gruppi etnici. Archivio per l'antropologia et la etnologia, vol. XL, 1910, p. 1—29.

⁶ P. W. Schmidt. Die Stellung der Pygmäenvölker in der Entwicklungsgeschichte des Menschen. Stuttgart, 1910.

Надо подчеркнуть, что в отличие от Кольманна Шмидт понятие «пигмеи» ограничивает шерстистоволосым расовым типом. Шерстистые волосы Шмидт считает примитивным признаком из тех соображений, что только такая форма волос могла возникнуть в тропиках — прародине человечества. Во всех современных пигмейских группах Шмидт видит единый расовый тип, отдельные ветви которого генетически между собой связаны. Брахицефалию, как указывалось, Шмидт считает типичным признаком для пигмеев. Мезо- и долихоцефалию отдельных пигмейских групп он объясняет смешением с другими расовыми типами. Индонезийский тип Шмидт также рассматривает как продукт смешения между основным шерстистоволосым пигмейским типом и высокорослыми расами (дравиды и др.). В сеноях, веддах он видит связующее звено между африканскими негриллями и азиатскими негритосами. Таковы в общем антропологические построения Шмидта, в аргументации которых он полностью следует за Кольманном.

Все антропологические данные нужны Шмидту, однако, лишь для того, чтобы обосновать центральную этнографическую часть своей теории, исходя из положения о древности и примитивности пигмеев.

В основе этнологических построений Шмидта лежит учение о культурных кругах. Для доказательства древности и расово-культурного единства пигмеев Шмидт констатирует особый культурный круг экзогамно-моногамный (*der exogam-monogamistische Kulturkreis*)⁷. К нему он относит пигмеев Центральной Африки, семангов, андаманцев, негритосов Филиппинских островов, веддов, сеноев, кубу, тоала. Этот, наиболее древний, по Шмидту, культурный круг характеризуется им следующим образом.

В области социальных отношений: моногамия, прочность брака, локальная экзогамия.

В области религии: монотеизм — признание верховного существа, имеющего свое обитание на небе, вера в загробный мир с идеей возмездия.

В области эргологии: почти полное отсутствие каменных орудий; орудия изготавливаются из дерева, кости, раковин. Из оружия — только лук и стрелы в их примитивной форме; копья и палицы отсутствуют. Нет прочных жилищ.

Из других признаков этого культурного круга Шмидт указывает на полное отсутствие уродования и раскрашивания тела и на отсутствие музыкальных инструментов.

К этой характеристике пигмейского культурного круга Шмидт добавляет сильно развитое представление о частной собственности.

Шмидт неоднократно подчеркивает, что выделенный им пигмейский культурный круг является наиболее древним, древнее всех известных нам, включая и тасманийский (*der exogam-geschlechts-totemistische Kulturkreis*). Те несовпадения с данной характеристикой пигмейской культуры, которые мы встречаем у современных пигмеев и которые должен признать и Шмидт, объясняются им смешением культуры пигмеев с «вторичными» и «третичными» культурами и вследствие этого утратой ими своих первоначальных этических и моральных черт.

Такова в основном сущность концепции, которая в течение почти трех десятилетий пропагандировалась на страницах журнала «Anthropos» — органа венской культурно-исторической школы.

Руководящей идеей всех работ этой школы является утверждение извечности, изначальности монотеизма, моногамной семьи и частной собственности. Именно монотеизм, моногамная семья и частная собственность стоят, по утверждению сторонников этого направления, у

⁷ P. W. Schmidt und P. W. Koppers. Völker und Kulturen. 1924, S. 78 ff.

истоков общественного развития, характеризуют «детство человечества». И материнское право, и полигамия, и политеизм — все это лишь случайные эпизоды в истории человечества.

Если и раньше пигмейская теория встретила возражения не только со стороны антропологов, но и ряда этнологов (даже основоположник культурно-исторической школы Фриц Гребнер выступил против спекулятивных построений теории «прамонотеизма») ⁸, то чем дальше, тем все более накапливались факты, противоречащие признанию древности и расово-культурного единства пигмеев.

Характерно, что такой видный последователь В. Шмидта, как патер Шебеста, изучавший центрально-африканских пигмеев, вынужден был признать существование у них развитого родового строя.

С другой стороны, с развитием своих работ школа В. Шмидта все более и более расширяла самое понятие «пигмеи» и «пигмеоиды». Для доказательства теории прамонотеизма помимо собственно пигмеев стали привлекать данные о целом ряде других народов — «первобытных монотеистов». Так, В. Шмидт в своей позднейшей работе («Ursprung der Gottesidee», В. III, 1932) выделяет особый культурный круг примитивных народов севера, куда он относит самоедов, айну, северных тунгусов, коряков, эскимосов-карибу, которым он приписывает монотеизм ⁹.

На этом этапе развития пигмейской проблемы из венской этнологической школы выходят посвященные народам севера работы Флора, Гаса и др.; их руководящей идеей является стремление показать наличие у арктических народов развитой идеи верховного небесного существа в соответствии с указанными выше построениями Шмидта об арктическом круге культур. Наиболее ярко панэйкуменная модификация старой пигмейской теории нашла свое выражение в работах крупнейшего археолога венской школы Освальда Менгина ¹⁰.

Менгину, как известно, принадлежит перенесение этнологических построений Шмидта — Копперса в археологию, попытка обосновать теорию культурных кругов на археологическом материале. Развитие человеческой культуры, по Менгину, протекало, уже начиная с протолита по его терминологии (т. е. с нижнего палеолита) по трем самостоятельным руслам. Эти независимые линии развития: «культура отщепы» (Klingenkultur), которую Менгин ведет от дошельской культуры и которая имеет центром своего происхождения Центральную Азию; «культура ручного рубила» (Faustkeilkultur), центром возникновения которой он считает Индию, и «культура кости» (Knochenkultur), место возникновения которой лежит в субарктической области Сибири. Все эти культуры прослеживаются Менгином как развивающиеся независимо друг от друга, каждая по своему пути, на протяжении всей истории человечества.

Но представляя собой независимые линии развития, все эти три культуры в своих истоках сходятся к исходной для всех их пракультуре — к пигмейской деревянной культуре, к той стадии развития, которая характеризуется отсутствием дифференциации и предшествует употреблению камня в человеческой технике. Эта пигмейская культура прослеживается (правда, в трансформированном ви-

⁸ См. Fr. Graebner. Das Weltbild der Primitiven, München, 1924.

⁹ Тенденциозное толкование источников и в очень значительной степени прямое искажение и подтасовка материала особенно характеризуют эти построения В. Шмидта. См. рецензию А. М. Золотарева («Проблемы истории материальной культуры», 1933 № 1—2).

¹⁰ Oswald Menghin. Weltgeschichte der Steinzeit. Wien, 1931; см. подробный разбор в работе С. П. Толстова. Расизм и теория культурных кругов, сб. Наука о расах и расизм, 1938.

де) у современных пигмеев, являющихся, таким образом, носителями древнейшей пракультуры.

Менгин не останавливается на антропологической характеристике пигмейского типа, но все его построения говорят о весьма широком распространении пигмеев, о панэйкуменном характере этого типа.

Антропологическую редакцию этих новых воззрений на пигмеев как на панэйкуменный тип мы находим в работе польского антрополога Понятовского¹¹. По Понятовскому, экзогамно-моногамному культурному слою соответствует пигмейская раса, так же как культуре бумеранга соответствует австралийско-неандертальский расовой тип. Пигмейская раса, по Понятовскому, не ограничивается типами собственно пигмеев (африканских негриллей и азиатских негритосов), но включает все низкорослые формы, в том числе бушменов и лопарей (!!).

Итак, старая концепция о прямом расово-культурном единстве пигмеев становится слишком узкой для панэйкуменных тенденций пигмейной теории, теории прамонотеизма. Требовались пересмотр старых взглядов, реформа в первоначальной трактовке проблемы.

Эту задачу взял на себя ближайший сотрудник Вильгельма Шмидта, упомянутый уже Пауль Шебеста, поместивший в журнале «Anthropos» программную статью, давшую новую формулировку пигмейной теории¹².

Автор рассматривает пигмейскую проблему и с этнографической, и с антропологической точек зрения. Старый взгляд о расово-культурном единстве африканских и азиатских пигмеев автор объявляет несостоятельным. Те черты сходства, которые обнаруживаются в культуре и антропологическом типе этих групп, не могут служить доказательством их генетического единства. Это — инфантильные черты, недифференцированные признаки той «детской стадии» (Kindheitsstadium) человечества, когда оно не распалось еще на отдельные расы. Эти черты сохранились в большой степени у центральноафриканских пигмеев, которых автор объединяет под именем бамбути, и в меньшей степени у азиатских негритосов (андаманцы, семанги, аэта).

Какие же это, по мнению Шебеста, инфантильные, недифференцированные антропологические признаки? Сюда он относит в первую очередь малый рост, далее пропорции тела, мезокефалию, большую голову, прямой лоб, широкий нос с низким переносьем, слабое надбровье, широкий разрез глаз, слабое развитие подбородка, нежность черепных костей и грацильность рук.

Тот же характер недифференцированности, инфантилизма автор усматривает и в психическом облике и в культуре пигмеев. Так как эта часть работы особенно характерна для методологических установок и научных приемов автора, остановимся на ней несколько подробнее.

«Детские» («Kindlich») черты пигмеев: их беззаботность, беспечность, неустойчивость, непостоянство поведения, детская веселость и простота; далее, страх перед чужими и, с другой стороны, приспособляемость к новым условиям, поскольку они не противоречат установившимся привычкам, подвижность и «свежесть духа».

В области хозяйственной жизни пигмеев такими же чертами «детской стадии» (Kindheitsstadium) являются заботы только о поисках

¹¹ S. Poniatowski. La classification des races humaines par la méthode historique en ethnologie. Inst. Intern. d'anthropologie, II session à Prague, Paris, 1926.

¹² P. Schebesta. Einheit, Ursprung und Stellung der Pygmäen in der Geschichte der Menschenentwicklung. «Anthropos», В. XXXI, Н. 5, 6, 1936.

В этом же номере «Anthropos» помещена небольшая заметка самого Вильгельма Шмидта, «Die Stellung der Pygmäen in der Entwicklungsgeschichte der Menschheit», где Шмидт отказывается от своих прежних взглядов и, ссылаясь на свои позднейшие работы, солидаризируется с Шебеста.

пищи; довольствуясь немногим, пигмеи не утруждают себя заботами о приобретении культурных благ.

Но наряду с этими недифференцированными признаками азиатские и африканские пигмеи обнаруживают в своем расовом типе сходство и в ряде других, уже дифференцированных признаков. Сюда относится общая для обеих групп форма волос, выпуклая губа, присосная мочка, сходство в пигментации волос, глаз и отчасти кожи.

Вывод, к которому приходит Шебеста, состоит в том, что бамбути и негритосы представляют собой «две специализированные расы одной и той же исходной формы, которой были свойственны все черты пигмеев, но в более еще недифференцированной форме». Эту исходную форму Шебеста обозначает как прапигмейскую (*Urupgmaëngrasse*) или основную негрскую расу (*Negrider Grundrasse*)¹³.

Этот вывод подтверждается, по мнению автора, и анализом культуры пигмеев.

Лук встречается у обеих пигмейских групп, однако форма лука у них различна; жилище у обеих групп, наряду со сходством в основных чертах, обнаруживает значительные различия в стиле. Употребление яда обще обоим группам, но способы добычания и приготовления яда для отравления стрел у них различаются. Представление о высшем существе-творце (все тот же прамоноотеизм.— М. Л.) обще всем пигмеям, но форма культа у них неодинакова. Те черты, которые объединяют обе пигмейские группы («идея жилища», «идея лука», «идея яда» и т. п.),— это наследие древнего, общего для них слоя; черты различия— более поздние, независимо уже приобретенные.

Прапигмейская раса есть та форма, из которой развились как негритосы и бамбути, так и высокорослые негры и меланезийцы. Пигмеев, утверждает Шебеста, нельзя рассматривать как предков высокорослых рас, что делают Кольманн и В. Шмидт; это лишь ответвления от одного общего корня. Если негры и меланезийцы в своем развитии («путем мутаций») значительно изменили свой первоначальный расовый и культурный тип, то пигмеи его сохранили и представляют собой «окаменелости» детского состояния, хорошо приспособленные к борьбе за существование в первобытных лесах¹⁴.

Наряду с прапигмейской расой существовали и другие, расово различные, но все низкорослые, древние формы, остатками которых являются ведды, лопари, айны, подобно собственно пигмеям сохранившие недифференцированные черты и стоящие по отношению к высокорослым расам в таком же положении, как африканские и азиатские пигмеи к неграм и меланезийцам.

Вопрос о количестве исходных форм («undifferenzierte Grundschihte») автор оставляет открытым.

Таковы сущность теории и ход рассуждений автора, которые должны, по его мнению, полностью отвергнуть взгляды Швальбе, рассматривавшего пигмеев как локальные вариации высокорослых рас, как захудалые формы¹⁵. Казалось бы, сложность проблемы, противоречивость взглядов требуют от автора особо серьезной аргументации его теории. Однако в работе Шебеста мы этого не находим. Он принимает без дополнительных доказательств положения Кольманна и его толкование биогенетического закона по отношению к пигмеям.

¹³ P. Schebesta. Указ. соч., стр. 663.

¹⁴ Там же, стр. 669.

¹⁵ Шебеста, как и В. Шмидт, излагает взгляд Швальбе на пигмеев как на захудалые формы, возникшие из неблагоприятных условий, недостаточности питания и пр. Такое толкование является извращением взглядов Швальбе. Последний, подчеркивая значение внешних факторов, отнюдь не рассматривает пигмеев только как захудалые формы; он говорит о селекции, значении изоляции для фиксации возникших признаков и т. д.

Та «модернизация», которую претерпевают взгляды Кольманна в изложении Шебеста, не вносит принципиально ничего нового в трактовку проблемы, и те возражения, которые встретили в свое время труды Кольманна, должны быть в полной мере отнесены и к рассматриваемой работе Шебеста.

Новая редакция пигмеевской проблемы у Шебеста и В. Шмидта есть, собственно говоря, возврат к взглядам Кольманна, против которых в свое время выступал В. Шмидт, ограничивая понятие «пигмеев» только низкорослым, брахикефальным негроидным типом.

Четверть века отделяет первые работы В. Шмидта и рассмотренную программную статью Шебеста, который смог прибавить к этнологической аргументации своего учителя только утверждение о «беззаботности, беспечности и свежести духа» пигмеев. Концепция Шмидта об изначальности монотеизма, моногамии, частной собственности, концепция, на службу которой была поставлена целая армия католических миссионеров — сотрудников венского этнологического журнала «*Anthropos*», оказалась в своей этнологической части в полном противоречии с этнографическими фактами всюду, где отдельные группы пигмеев подверглись объективному изучению.

В построениях В. Шмидта значительное место занимают негритосы Андаманских островов, у которых он декларирует наличие подлинного монотеизма — представления о небесном боге, верховном существе и творце «пулуга», — наличие строгой моногамии, прав частной собственности и других элементов «пигмеевского слоя». Эти утверждения, как известно, были блестяще опровергнуты тщательными исследованиями андаманцев, проведенными Рэдклифом Броуном, который вскрыл тенденциозность построений Шмидта и показал, что «пулуга» ничего общего не имеет с представлением о «верховном существе», а является олицетворением северо-восточного муссона — ветра, господствующего на Андаманских островах.

У андаманцев наблюдаются следы экзогамной организации, тотемических представлений. Материальная культура андаманцев — их своеобразный лук, гончарство, жилище, лодки с аутригером и другие ее элементы — также противоречат концепции Шмидта о наибольшей древности и примитивности культуры пигмеев¹⁶.

То же можно сказать и об африканских пигмеев, которые в этнографическом отношении изучены, к сожалению, очень недостаточно¹⁷.

Не случайно поэтому центр тяжести своих построений В. Шмидт и его последователи переносят в антропологию. Сохраняя концепцию о расовом пигмеевском слое, как наиболее древнем, исходном типе, они пытаются все, что в культуре пигмеев не соответствует их построениям, объяснить позднейшими заимствованиями. Антропологическая сторона заслуживает поэтому более подробного рассмотрения.

Узловыми вопросами пигмеевской проблемы в антропологии на разных этапах ее развития являются следующие:

- 1) о месте современных низкорослых расовых типов в эволюции *Homo sapiens*;
- 2) о древности этих расовых типов;
- 3) о взаимоотношениях различных «пигмеевских» и пигмеоидных форм и в первую очередь о генетических взаимоотношениях африканских и азиатских пигмеев;

¹⁶ См. работы: A. R. Brown. The religion of the Andaman Islanders. «*Folk-Lore*», London, vol. XX, 1909, pp. 257—271; его же: Puluga, a reply to Father Schmidt. «*Man*», vol. X, 1910, p. 33—37; его же: The Andaman Islanders. A Study in social anthropology. Cambridge, 1922.

¹⁷ См. сводку: Wilhelm Immeroth. Kultur und Umwelt der Kleinwächigen in Afrika, Leipzig, 1933.

4) об отношении карликовых типов к соответствующим высокорослым формам.

Как мы уже указывали, взгляды венской школы по этим вопросам на протяжении времени существенно изменялись, но основные положения ее о большой древности пигмейских расовых типов, взгляд на пигмеев как на исходные формы, из которых развились различные современные высокорослые расы, и в позднейших работах последователей Вильгельма Шмидта остались непоколебимыми. Это и понятно: отказ от этих положений означал бы крах всей пигмейской «теории» в целом.

Уже Швальбе¹⁸ на целом ряде примеров показал, что положение Кольманна о развитии крупных форм из форм мелких не может быть применено ко всему животному миру. Он приводит ряд обратных примеров, подчеркивая особенно роль domestикационных факторов и островной изоляции. Примеры, приводимые Швальбе, можно было бы умножить. Особый интерес в этой связи приобретают описанные в сравнительно недавнее время карликовые формы высших приматов — карликовый шимпанзе (*Pan paniscus*) и карликовый гиббон (*Hylobates klossi*). Их положение в систематике как позднейших локальных форм не вызывает сомнений.

Несостоятельным оказывается и второе положение Кольманна — его аргументация отсутствия на черепе зародыша и ребенка человека черт антропоморфных обезьян. При таком буквальном толковании закона Геккеля-Мюллера мы должны были бы признать происшедшими от формы с высокоразвитым мозговым скелетом и низших обезьян, и лемуру, и хищников, что противоречит всем данным палеонтологии. К аргументации Швальбе против одностороннего, неправильного применения биогенетического закона к эволюции человека можно прибавить то огромное количество фактов, на которых основывает свою теорию филэмбриогенезов академик Северцов, показавший, что далеко не во всех особенностях плода или детеныша, отличающих их от взрослой формы, можно видеть рекапитуляцию признаков предка. Уже Швальбе указывал, что все древнейшие остатки человека не обнаруживают каких-либо пигмеоидных признаков, а характеризуются неандерталоидными чертами. Все позднейшие находки полностью это подтверждают. Установление неандерталоидной стадии в эволюции человека является одним из важнейших и прочных достижений современной антропологии.

Но если пигмейские формы не могут быть поставлены у корней родословного дерева *Homo sapiens* в целом, то не являются ли они все же очень древними расами, рано отделившимися от отдельных ветвей этого дерева на пути развития современных высокорослых рас? Естественно, что основная аргументация в этом вопросе должна черпаться из области палеоантропологии. Здесь и искал Кольманн, как мы указывали, подтверждения своей концепции.

Уже E. Schmidt¹⁹, выступая против построений Кольманна, указывал на то, что все те находки, на которые ссылается Кольманн, не могут считаться доказательными. Все эти находки вполне вмещаются в пределы внутрigrупповых вариаций высокорослых рас. Так, один из скелетов Baoussé-Roussé ростом в 145,5 см дает величину, которую среди эльзасских женщин мы встречаем в 21%; другой скелет принадлежит субъекту, рост которого исчисляется в 157 см. Это относится и к другим находкам, на которые ссылается Кольманн.

Основным аргументом в пользу древности пигмеев является у Ше-

¹⁸ A. Schwalbe. P. W. Schmidts Arbeit «Die Stellung der Pygmäenvölker in der Entwicklungsgeschichte des Menschen», «Globus», B. XLCVII, 1910.

¹⁹ E. Schmidt. Die Grösse der Zwerge und der sogenannten Zwergvölker. «Globus», 87, 1905, S. 121—125; его же. Prähistorische Pygmäen, Ibid., S. 309—312, 325—329.

беста, как мы видим, ссылка на их «инфантильность». Вопрос этот заслуживает специального рассмотрения.

Самое определение инфантильности расовых признаков, которое Шебеста принимает без всяких оговорок, далеко не может считаться столь элементарным. Значительная часть тех признаков, которые Шебеста определяет как инфантильные, могут быть объяснены не как сохранение детских черт строения, а как имеющие в основе иные факторы.

Такие признаки, как относительно большая голова, прямой лоб, слабый рельеф, грацильность костей, характерны не только для пигмеоидных расовых типов, но и отличают, например, карликового шимпанзе²⁰, как и всякую низкорослую форму, от соответствующей высокорослой. Ряд «инфантильных» признаков находит свое объяснение в законах гетерогенного роста как результат малых тотальных размеров тела²¹.

Приписывая пигмеям такие признаки, как мезокефалию, детские пропорции тела, Шебеста противоречит и фактическому материалу.

Брахи- и мезокефалия являются характерными лишь для некоторых групп, и среди тех же африканских бамбутидов известны наряду с брахицефальными типами также и долихоцефальные, причем, как показал еще Poutrin²², их долихоцефалия никак не может рассматриваться как результат смешения с высокорослыми племенами.

Если детские пропорции тела и могут характеризовать (и то с известными ограничениями) африканских негриллей, то по отношению к негритосам это абсолютно не соответствует известным фактам²³.

Переходим к третьему из намеченных нами вопросов, к вопросу об отношении африканских и азиатских пигмеев.

Еще Poutrin²⁴ убедительно показал, что представление о единстве антропологического типа африканских пигмеев требует пересмотра. Чекановский²⁵ также говорит о значительных различиях в антропологическом типе африканских пигмеев, но расценивает их как результат смешения первоначального расового типа пигмеев с более новыми высокорослыми формами. То же должен признать и Шебеста, который единство расового типа африканских пигмеев относит в прошлое²⁶.

Еще в большей степени это относится к азиатским пигмеям. Если даже исключить так называемых пигмеев Меланезии, то и в пределах собственно негритосов нельзя говорить об единстве в антропологическом типе. Так, среди семангов Шебеста выделяет несколько различных расовых типов: тип Jahai, тип Kensiu, преавстралоидный тип, тип Menгі²⁷.

Эйкштедт (единственный из антропологов, посетивший андаманцев) выявляет среди андаманских негритосов два типа: тип племен Боль-

²⁰ J. Harold, Jr. Coolidge. Pan Paniscus Pigmy chimpanzee from South of the Congo River. Amer. Journ. of Phys. Anthropology, vol. XVIII, 1933—1934.

²¹ В. В. Бунак. Опыт типологии пропорции тела и стандартизации антропометрических размеров. Ученые записки Московск. гос. ун-та, вып. X, Антропология, 1937.

²² L. Poutrin. Contribution à l'étude des Pygmées d'Afrique, Les Négrilles du Centre Africain. L'Anthropologie, XXI, 1910, p. 435—504; XXII, 1911, p. 421—549; XXIII, 1912, p. 349—404.

²³ E. Eickstedt. Die Negrites und das Negritesproblem. Anthropol. Anz., IV, 1927, S. 275—293.

²⁴ L. Poutrin. Указ. соч.

²⁵ J. Czekanowski. Verwandtschaftsbeziehungen der Zentral-afrikanischen Pygmäen. Korresp.-Bl. d. Ges. f. Anthr., Ethnol. u. Urgesch., Bd. XVI, 1910, SS. 101—109.

²⁶ P. Schebesta. Zur Anthropologie der Zwergvölker des Kongobeckens. Forschungen u. Fortschritte, 8, 1932, S. 234—235.

²⁷ P. Schebesta u. V. Lebzelter. Anthropological measurements in Semangs and Sakais in Malaya (Malacca). Anthropologie, Prague, 1928, VI, N 3—4.

ших Андаманских островов и тип племен Малых Андаманских островов. Но и среди последних племена Ongii и Jarava обнаруживают в антропологическом типе значительные различия между собой²⁸.

Особый интерес в этой связи представляет новая работа известного антрополога Валлуа, посвященная антропологии западных негриллей²⁹. Как показывают новейшие исследования, приводимые автором, и среди западных негриллей Французской Экваториальной Африки и Камеруна (ба-бинга) отмечается значительное разнообразие в антропологическом типе. Валлуа подчеркивает, что это различие не может быть отнесено за счет смешения с окружающим высокорослым населением; это справедливо также и по отношению к восточным негриллям (бамбути) и к центральному (ба-туа).

Несмотря на очень значительные различия в антропологическом типе африканских и азиатских пигмеев, было бы, однако, неправильно отрицать наличие у них ряда общих черт. Первоначально школа Шмидта видела в этом доказательство их генетического родства; Шебеста рассматривает эти черты как признаки древней недифференцированной стадии.

Признание генетического родства между бамбутидами и негритосами могло бы на современном этапе наших знаний означать, что мы принимаем в пределах негрского расового ствола имеющую место мутацию, мутацию карликовой формы, которая распространилась в Африке и в Азии и явилась исходной для ныне разобщенных азиатских и африканских пигмеев.

Теоретически такие мутации возможны и, вероятно, имели место не только в пределах негрского расового ствола. Однако для того, чтобы возникшая мутация имела шансы закрепиться и не быть элиминированной отбором, необходимы некоторые определенные условия. Ведь речь идет о мутационном возникновении такой формы, которая не только сохранилась в ареале своего возникновения, но обладала достаточной устойчивостью, чтобы расселиться по очень большой территории Африки и юго-восточной Азии.

Такие условия могут создаться, если возникшие мутационные признаки обладают определенными преимуществами (ароморфоз, адаптация) или если случайно такая морфологическая мутация возникает в группе, обладающей культурными преимуществами над другими.

По отношению к рассматриваемому нами теоретически случаю обе эти возможности должны быть исключены. Трудно представить себе такие условия, при которых малый рост и другие признаки, связанные с ним функциональной корреляцией, могли оказаться обладающими преимуществами в борьбе за существование, выходящими за пределы узкой географической области.

Вторая возможность также должна быть отвергнута: у нас нет никаких оснований связывать рассматриваемую мутацию с группой, по своей социальной организации или материальной культуре отличавшейся особым превосходством. Приняв такое предположение, мы должны были бы объяснить, почему прямые наследники этой гипотетической группы — африканские и азиатские пигмеи — повсюду и бесследно утратили эти предполагаемые преимущества.

Как все же объяснить черты сходства африканских и азиатских пигмеев?

Мы указывали на те признаки, которые находят свое объяснение в законах гетерогенного роста. В качестве другого фактора можно

²⁸ E. Eickstedt. Die Negritos der Andamanen. *Anthrop. Anz.*, 1928, S. 259—268.

²⁹ H. v. Vallois. New Research on the Western Negritos. *Amer. Journ. of Phys. Anthropology*, vol. XXVI, 1940.

привлечь влияние изоляции. Географическое положение, отношение пигмейских племен Африки и Азии к их высокорослым соседям позволяет видеть в этих пигмейских племенах группы, испытавшие длительную изоляцию, и ожидать в них распространения признаков, вызванных такой изоляцией.

Очень большой интерес представляют данные, указывающие на более светлый цвет кожи как у африканских, так и у азиатских пигмеев по сравнению с неграми и меланезийцами, а также на известный процент у них светлых глаз³⁰.

Как расценивать эту депигментацию?

Возможность европейской примеси у этих столь изолированных групп полностью исключается, и объяснение надо искать в иных причинах.

Рецессивный характер генов светлой окраски у человека (как и у животных) является в настоящее время достаточно установленным и проявление их в популяции возможно лишь в определенных условиях. Таковыми являются условия, ведущие к изоляции той или другой группы, что имеет, например, место в горной местности, на островах, в малодоступных районах тропического леса и т. п. Если популяция малочисленна, то в условиях изоляции рецессивные гены получают значительно больше шансов для своего проявления.

Совпадение этих условий мы имеем как раз по отношению к пигмейским группам.

Генетическая природа расовых признаков изучена еще столь недостаточно, что отрицать возможность объяснения и некоторых других признаков пигмеев влиянием изоляции было бы, по меньшей мере, преждевременным.

Данные палеоантропологии, общие биологические соображения, все сказанное выше в отношении трактовки инфантильных черт пигмеев не дают никаких оснований видеть в современных пигмеях остатки древнего слоя — «прапигмейской расы», из которой развились как негритосы и бамбутиды, так и высокорослые негры и меланезийцы. Это — низкорослые поздние варианты, возникшие в пределах высокорослых форм; особенности этих вариантов являются в значительной степени проявлением законов гетерогенного роста и тех влияний, которые обусловлены изоляцией их.

Мы привели эти краткие указания на возможные факторы происхождения физических признаков пигмеев, чтобы показать, что антропологическая аргументация пигмейской проблемы в работах венской школы является в достаточной степени шаткой. *Ultimum refugium*, к которому охотно прибегали сторонники пигмейской теории, начиная с Кольманна, всегда являлась палеоантропология. В ней они надеялись найти подтверждение древности пигмейских форм. Но с накоплением палеоантропологических материалов все более и более суживался круг их надежд. Мы указывали выше, что все древнейшие остатки человека представлены неандертальскими формами. Попытки противников теории неандертальской фазы в эволюции человека доказать обратное оказываются, в свете критического рассмотрения находок, полностью несостоятельными.

Но и древние остатки *Homo sapiens* обнаруживают особенности, исключая возможность видеть в них пигмеоидные формы. Из новых находок можно указать на остатки верхнепалеолитического человека в Китае (верхний грот в Чоу-Коу-тянь), находки в Северной Африке (Афалу-бу-Руммель Мекта-эль-Арба и др.), Южной Африке (Флорисбадский череп, Боскопский череп, Кэп Флэтс), знаменитые находки в

³⁰ E. Eickstedt. Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit. 1934

пещерах Шукба и др. в Палестине и ряд других. Все известные до настоящего времени костные остатки человека и мезолитической эпохи в Европе, Африке, Юго-восточной Азии (скелет из Там-Понг в Лаосе) также не дают никаких указаний на наличие пигмеоидных черт.

Приведенные нами выше новые данные по палеоантропологии Африки, устанавливающие относительно молодой возраст расового типа пигмеев, лишают сторонников пигмейской теории их последнего плацдарма.